

Двадцать восьмого апреля тысяча девятьсот девяносто третьего года на земельном участке в Фагерхультге, в Швеции, примерно в десяти километрах на северо-восток от Уддеваллы, были найдены тела двух одиннадцатилетних мальчиков. Фермер, который их обнаружил, позже описывал свои впечатления так: «словно распахнулись врата ада». Один из мальчиков, Оливер Хелльберг, был найден абсолютно голым, лежащим на спине. Второй, Свен-Улуф Йонссон, в одних трусах лежал в нескольких метрах от первого. Между телами — мертвое животное. Белый заяц. Поскольку дело было крайне серьезным, Национальная уголовная полиция Швеции собрала команду следователей в Стокгольме для совместной работы с местным отделом Полиции Запада, но скоро стало понятно, что работа у них не ладится. В последующие годы команду заменяли не меньше трех раз, и в конце концов министру юстиции Швеции Эве Нурдберг пришлось покинуть свой пост. Группу следователей также обвинили в том, что они причастны к обнародованию дневника одного из мальчиков. Его родители, Патрик и Эмилие Хелльберг, подали иск в суд, чтобы запретить таблоидам публиковать сокровенные мысли сына и делать их достоянием общественности. Супруги выиграли первое слушание в суде Уддеваллы, но проиграли обжалование в Верховном суде западной Швеции. Несколько недель спустя мать Оливера, Эмилие Хелльберг, нашли мертвой в ванне в их семейном домике на Экескашвеген. Она покончила с собой четырнадцатого ок-

Самюэль Бьорк

тября тысяча девятьсот девяносто третьего года, который впоследствии стали называть «позорным днем» в истории шведской журналистики, дневник мальчика был полностью опубликован в двух газетах: «Экспрессен» и «Афтонбладет». Первые полосы обеих выглядели одинаково: на них были последние слова из дневника мальчика, написанные курсивом:

Завтра будет полнолуние. Я боюсь Волка.

Дело так и не было раскрыто.

1

1

Апрель 2001

Стоя на парковке у старой школы Фредхейм в Лёренскуге, Томас Боркгренинк надеялся, что хоть немного подует ветер. Он понятия не имел, почему выбрал для встречи именно это место, видимо интуитивно. Безветрие. Наверное, чтобы как можно больше усложнить все для него, да? Тридцатипятилетний норвежец бросил взгляд на часы, когда стая ворон слетела с дерева. Пустынную местность пронзил громкий горловой птичий крик. Здесь не было ничего, только участки земли, гравийный карьер и старое белое здание — школа, в которую он сам ходил, когда был маленьким. В другой жизни. До того случая. Давно он не был в этих местах. Да и вообще нигде не был. Двенадцать лет за решеткой. Он освободился несколько месяцев назад и все еще не мог привыкнуть к этому ощущению. Что можно делать что хочешь. Томас Боркгренинк плотнее укутался в куртку, сел на ступеньки старой школы и подставил лицо под слабые лучи солнца, выглядывавшего из-за рощи.

Без пятнадцати девять. Они договорились на десять, но Томас решил не рисковать. Она могла сделать все что угодно. *Видите, мы договорились на девять, а он еще даже не пришел? Вы правда думаете, что у него есть право навещать сына? В последний раз они виделись, когда мальчику было всего два года, вы же это понимаете?* Кроны деревьев у дороги вдруг зашевелились, и Томас резко почувствовал прилив опти-

мизма. Может ветер все-таки поднимется? Это, конечно, тупая идея. Воздушный змей? Томас всю голову сломал, чем им тут заняться. Зайдя в магазин игрушек, он стоял там так долго, пока продавщица наконец не спросила, все ли в порядке. В порядке? Ну ясное дело, что ничего не в порядке. Как она вообще могла такое спросить? Хотя, разумеется, ее вины здесь нет. Поэтому он решил взять первое, что пришло на ум, и самое лучшее. Воздушного змея. На улице. Около старой школы. Запустить вместе змея. Здорово ведь, правда? Сейчас он, конечно, пожалел об этом, когда ветер снова стих в верхушках деревьев. Шахматы, вот что он на самом деле планировал. Научить парня правилам, может, сыграть вместе, но эту мысль Томас отбросил, узнав, что встреча будет на улице. На расстоянии. Что она ни при каких обстоятельствах не оставит их вдвоем.

Ее тон был совсем не такой, как тогда, когда она пришла его навестить. Сив Юнсен. Он даже не помнил, кто она такая. *Боркгрэнвинк, к вам посетитель.* Впервые за три года. *Девушка. Она ждет в комнате номер три.*

Посетитель?

Девушка?

Мама?

Нет.

Конечно же нет.

Нарядилась, словно по особому поводу, с цветами в волосах, румянцем на щеках и в коротком летнем платье. Сив Юнсен. Одноклассница из старшей школы. В те несколько месяцев, которые он успел туда походить, до того, как поддался голосам в голове. Сив приходила каждое четырнадцатое число, почти три года, и под конец начала нравиться Томасу. Затем фотографии из родзала. С первого дня рождения мальчика. *Мартин скучает по папе!*

А потом все.

Больше не приходила.

Нашла другого, постепенно это стало понятно.

Да и бог с ней.

Но ребенок?

Самый милый мальчик на свете.

Его сын.

Мартин.

Ну уж нет, черт ее побери.

Томас Боркгрэнвинк встал со ступеньки и вышел на парковку, чтобы стряхнуть с себя злость.

Спокойно.

Не выходи из себя.

Пусть она однажды и прекратила навещать его и вместо этого он стал получать письма, напечатанные на принтере безличными юристами, где говорилось, что он больше не сможет видеть малыша.

Томас пнул камень ногой и снова взглянул на часы.

Пятнадцать минут десятого.

Никого не видеть.

Зачем вообще было назначать встречу здесь? Где ничего нет. Из Финстада идет улица Лусбювейен, а тут вообще почти никто не живет. За поворотом полигон для стрельбы. Гравиевая площадка за опушкой вдалеке. Томас знал тут каждый камешек, он обожал эту школу, это место. Он приходил сюда рано утром, чтобы не быть дома, в мрачном здании с этими холодными людьми, которые вроде как должны были о нем заботиться. На ночном столике будильник со стрелками-руками Микки Мауса показывал, что пора вставать, чтобы не опоздать в школу, и бесшумно выйти из комнаты в носках, чтобы никого не разбудить, и положить с собой еду из того, что найдется в холодильнике.

В школе он не был отличником, но и двоечником тоже — так, середнячок.

Но там он чувствовал тепло.

От тех, кто не был равнодушен к нему.

Без пятнадцати десять приехала первая машина, немного ржавая «Тойота Королла». Из нее вышла блондинка в круглых очках, нервно протянувшая ему руку.

— Астрид Лом, Служба защиты детей.

— Томас.

Она кашлянула, открывая папку, в которой наверняка было все то, что ему уже прислали.

Осужден за убийство.

Восемнадцать лет.

Освобожден досрочно за хорошее поведение.

Мать одобрила встречу с сыном.

Под присмотром.

Без пяти десять, и вот наконец едет вторая машина.

Белая.

Дорогая.

Естественно.

Она нашла кого-то получше, но это не важно. Не сейчас.

Томас ощутил, как его бросило в жар и вспотели ладони, когда он пошел встречать их.

— Нет, нет, подождите.

Женщина из опеки остановила его рукой.

— Да, конечно, прошу прощения.

Шаг за шагом. На условиях мальчика.

Мартин.

Это был он.

Томас широко улыбнулся, когда дверь машины открылась.

Темные волосы.

Коричневый свитер.

Потерянный взгляд. Мальчик стоял у машины, и никто из сидящих на переднем сиденье ему не помог.

Тупые кретины.

Вы что, не видите, что он?..

К счастью, специалист органов опеки немного понимала детей. Она быстро перешла парковку и, держа мальчика за худые плечи, подвела его к Томасу, и вот сын вдруг оказался рядом. Томас Боркгреник едва сдерживал слезы.

— Привет, Мартин.

— Привет...

Его красивые голубые глаза смотрели не на отца, а куда-то вниз, на ботинки.

— Как у тебя дела?

— Что?

И он поднял глаза с небольшим любопытством.

— Классный у тебя свитер.

— Э-э... спасибо.

Мальчик посмотрел на женщину, словно чтобы спросить, кто она такая и что здесь делает.

— Это робот?

— А? Нет, это Бионикл.

Томас осторожно сделал шаг вперед.

— Бионикл. Крутой.

Мальчик слегка посмеялся.

— Это не его имя, он один из «Биониклов».

— А, вот оно что. А как тогда зовут?

— Этого?

— Да.

Блондинка немного отступила назад.

— Этого — Макута.

— Круто. Это твой любимый?

Мальчик осторожно посмотрел на отца.

— Э-э... нет. Мой любимый — Элек, но свитера с ним не было в магазине.

— Обидно.

— Ага. Но у меня есть его фигурка.

Мартин бросил взгляд на белую машину.

— Жалко, я не знал, что тебе тоже нравятся Биониклы, я бы тогда захватил фигурку с собой.

— Да ничего страшного.

Мальчик сдул челку со лба и с любопытством посмотрел на лежавший у лестницы пакет.

— А что в пакете?

— Ничего особенного, увы. Я надеялся, что сегодня будет ветер.

— Ветер? Зачем?

— Чтобы мы могли запустить воздушного змея. Но я не знаю, ты, наверное, решишь, что это скучно?

— Почему скучно, — улыбнулся сын. — Давай запустим.

Кроны деревьев снова зашевелились, значит, кто-то сверху все-таки за ними наблюдает.

— Правда? — улыбнулся Томас. — Попробуем запустить?

— Давай, — кивнул мальчик.

— Наверное, лучше пойти подальше на поле. Думаю, там ветер сильнее.

Он достал змея из пакета и посмотрел на сотрудницу опеки.

— Можно мы...?

Она кивнула.

— Почему ты спрашиваешь ее разрешение? — спросил мальчик, когда они отошли от старого здания и положили змея на землю.

Апрель в Норвегии.

Запах свежевскопанной земли.

Скоро посеят зерно, и за лето колоски пожелтеют.

Томас замешкался.

Но сдержался.

— Она приглядывает.

— За кем?

— За тобой. Ну что, ты первый? Ты беги, а я буду держать.

— Ладно.

Мальчик еще раз улыбнулся и поднял змея в воздух.

Теперь уже ничто и никто не имели значения.

Те люди в машине.

Чиновница со своими бумажками.

Все эти годы.

Все это исчезло.

Есть только маленький мальчик, с широкой улыбкой бежавший за змеем, наконец взмывшим в воздух и гордо парившим высоко в облаках.

— Смотри! Офигеть!

Белая как снег

Всего двадцать секунд, и змей опустился на землю в конце поля.

И тут случилось то, что Томас Боркгреник не забудет никогда.

Мальчик вернулся с совершенно другим взглядом.

— Что такое, Мартин?

— Там кто-то лежит.

— О чем ты?

Маленькой ручкой сын стыдливо пытался прикрыть мокрое пятно на штанах.

— Они не двигаются.

2

Холгер Мунк сидел в «Ауди», из динамиков звучала сюита для виолончели номер один соль мажор, и он опять мучился угрызениями совести за то, что в очередной раз ушел посреди воскресного семейного завтрака. И не то чтобы домашние возмущались. Они никогда ничего не говорили. Когда бы ему ни позвонили. Поздно вечером. В разгар отпуска. В рождество, когда на стол только что поставили свиные ребрышки. Что бы ни было — к нему всегда относились с полным пониманием. Сорокатрехлетний Холгер Мунк вот уже почти двадцать лет работал следователем по делам об убийствах, и все это время она была рядом. Марианне, его одноклассница из старшей школы. Любовь с первого взгляда, они поженились, как только сдали выпускные экзамены. И лишь через девять лет у них родилась желанная дочка, Мириам. Теперь ей четырнадцать, и с ней было вовсе не так трудно, вопреки бытующему мнению о сложностях подросткового возраста. Семья всегда поддерживала Холгера, как бы часто он ни отсутствовал дома. Они даже отметили его продвижение по службе прошлой осенью, хотя и понимали, что это означало для него еще бóльшую занятость. Вновь созданный отдел по расследованию убийств обосновался в самостоятельном корпусе. Удаленно от центрального отделения полиции в Грэнланде. Холгеру Мунку не только доверили руководство новым проектом, но и дали полную свободу в подборе сотрудников. Впервые за много лет у него выдалась отличная зима. Раньше он ходил на работу в полной

темноте с заиндеветшей бородой и проклинал все и вся, особенно дебилов, обожавших снег и лыжи. Но в этом году в голове Мунка были совсем другие мысли. Он — руководитель. В общем-то, основатель — вот как он себя ощущал. И все-таки что-то промелькнуло во взгляде Марианне, правда?

Толстяк-следователь стряхнул с себя чувство вины и показал пропуск служащему, стоявшему у ограждения, но по виду этого юного полицейского уже все было понятно.

Слушалось что-то из ряда вон.

Встревоженный взгляд при внешней суровости парня в униформе спустя минуту после того, как Мунк припарковал машину около белого здания школы.

— Нильсен, дежурный полиции.

Мунк кивнул, доставая сигареты из нагрудного кармана бежевого пальто с кашпоном.

— Из моих людей кто-то уже на месте?

— Э-э, да... блондинка. Она вроде бы адвокат?

— Голи.

— И еще тот в костюме. Фредрик?

— Риис, — сказал Мунк, закуривая.

— Первым приехал криминалист, он тут уже давно, — сообщил мускулистый полицейский, показав на поле.

— Судмедэксперт?

— Тоже прибыл. Некоторое время назад.

Полицейский снял одну перчатку и приложил палец к карте.

— Мы перекрыли дорогу вот здесь и здесь. Лусбювейен. Тут людей немного. Несколько домов, доступ пришлось оставить открытым, поэтому мы протянули ограждение вдоль улицы Волервейен. Что думаете?

— А периметр земельного участка?

— Там наши люди, — кивнул Нильсен. — Все должно быть в порядке.

— Что еще тут у вас?

Мунк с любопытством посмотрел на карту и поднял взгляд на лес вокруг.

— Какой-то кошмар, — пробормотал Нильсен. — Тела мальчиков лежат там, вот точка на карте. Как видите, со всех сторон участка, а за ними лес. Мы предполагаем, что преступник мог зайти *здесь* и уйти тем же путем. Как по мне, свободный путь, нам очень повезет, если кто-то его видел.

— А это что? — спросил Мунк, ткнув в точку на карте.

— Стрельбище.

— Его оцепили?

— Э-э... нет, оно же недалеко...

— Перекройте его, — удрученно сказал Мунк. — И отправьте туда людей. А это что?

— Огромный гравийный карьер, — ответил Нильсен, указав рукой на даль леса. — Нам тоже?..

— Если вы еще этого не сделали, то да. Еще...

Мунк посмотрел на полицейского — у того был виноватый вид.

— Отправить туда людей? — наконец спросил он.

— Хорошо, — кивнул Мунк и пошел к Анетте Голи — та только что вышла из белого здания.

Его первый сотрудник.

Он не сомневался ни секунды в ее кандидатуре.

— Ты уже ходил туда? — спросила профессиональный адвокат, проведя рукой по светлым волосам.

— Еще нет. Как там?

— Плохо. Только что звонил Вик — спрашивал, накрыть ли их или ты сначала так посмотришь?

— Пусть не трогают, — ответил Мунк, прикуривая новую сигарету от предыдущей. — Кто их нашел?

— Там просто цирк, — вздохнула Голи, устало кивнув на здание. — Я пытаюсь разобраться в их отношениях.

— И что там?

— Насколько понимаю, дело об отцовстве. Парень пришел встретиться с сыном. Мать с новым мужем в сопровождении женщины — наверное, из опеки. Но я не уверена. Пока пришлось их разделить. Отец в одной комнате, остальные в другой, поговоришь с ними?

— Пока нет, позаботься, чтобы они дали полные показания.

— Хорошо, Катя займется этим.

— Она здесь? — Мунк слегла улыбнулся. — Я думал, она...

— Ну, видимо в Крипосе* все же оказалось не так круто, — подмигнула Голи. — Я подобрала ее по пути сюда. Ты же не против?

— Конечно нет, — ответил Мунк с улыбкой.

Сотрудник номер два.

Катя ван ден Бург.

Этот выбор был очевиден, как и первый.

— Ну что, пойдешь?

— Да, где они лежат?

— Иди туда, — указала Голи. — Я бы на твоём месте надела другую обувь, там довольно сыро.

— Ладно.

Мунк бросил сигарету на гравий и пошел к машине за резиновыми сапогами.

---

* Центральное управление уголовной полиции Норвегии.

Двадцатиднолетняя Миа Крюгер сидела за задней партой маленькой аудитории в подвале Высшей школы полиции, с трудом удерживая глаза открытыми. Она опять бродила всю ночь по улицам. Коснулась головой подушки только в... шесть, вроде? Она сдержала зевок, когда лектор с ежиком на голове и в начищенных ботинках переключил слайд на проекторе. Твою мать, ну почему было не уйти пораньше? Она ведь так ждала эту лекцию. Информационная встреча об отряде быстрого реагирования «Дельта». Это же поэтому она пошла сюда. Несмотря на предостережения родителей. Какой у мамы был скорбный взгляд, когда Миа сообщила, что изучение литературы в Университете Осло ей не подошло. Что она уже забрала документы. Что решила немного попутешествовать и осенью все начать заново.

Но, Миа, полиция? Послушай...

Да какая теперь уж разница. Миа прочла статью в журнале о том, как невероятно сложно поступить туда, что еще ни одна женщина не подошла под требования, и сразу же решилась. Да. «Дельта». Туда ей и надо.

Так что идите все к черту.

Миа Крюгер снова подавила зевок, когда на экране появился список. Предварительный, конечно. Минимальные требования. Далее ее ждали адские недели физических и психологических тестов, тут-то и отсеивались те немногие девушки, кто пробовал попасть в отряд. Но не она. Конечно нет. Легко. Она будет номер один. Она им всем покажет раз